

«Пограничные» монастыри Твери и их роль в формировании архитектурного облика города*

А. М. Салимов

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
Российская Федерация, 129337, Москва, Ярославское шоссе, 26

Для цитирования: Салимов, Алексей. «‘Пограничные’ монастыри Твери и их роль в формировании архитектурного облика города». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 13, no. 4 (2023): 720–739. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2023.407>

Берущая свое начало в глубоком Средневековье, Тверь уже на раннем этапе существования включала в городскую структуру монастыри. За небольшим исключением они, как правило, возникали в периферийных зонах города. Тем не менее благодаря активному развитию эти обители не только достаточно быстро становились важными градообразующими акцентами, но и способствовали росту окружающей застройки. Это, в свою очередь, стимулировало увеличение площади города и с неизбежностью лишало данный монастырь статуса «пограничной» обители. Однако на окраинах возникали новые монастырские ансамбли или получали стимул для своего развития уже давно основанные загородные обители. В итоге эти «пограничные» монастыри вновь становились градоформирующими факторами и способствовали более интенсивному развитию той части города, с которой волею судеб они оказались связаны. Смута начала XVII в. привела к утрате ряда монастырей. Их исчезновение продолжилось в Петровское время и последующие десятилетия, когда произошло усиление светского начала в жизни страны. При этом внимание к оставшимся монастырям, подавляющее большинство из которых можно отнести к числу «пограничных», усилилось, что способствовало созданию на их базе масштабных архитектурных ансамблей. И в этом качестве «пограничные» монастыри явились более существенным фактором в деле формирования окружающей застройки. А незадолго до революционных событий подобная тенденция наметилась и у ближайших к Твери загородных монастырей. Активный рост жилой застройки в непосредственной близости от этих обителей обозначил «пограничный» потенциал у еще не так давно загородных монастырей. Однако этот процесс был прерван в конце 1910-х годов, и лишь в конце XX в. состоялась «реабилитация» одной из основных функций монастырского ансамбля.

Ключевые слова: Тверь, кремль, городские посады, внутригородские монастыри, пограничные и загородные монастыри.

История Твери уходит своими корнями в глубокое Средневековье, но как город этот населенный пункт стал складываться где-то в первой половине — середине XII в., что отчасти подтверждается первым упоминанием Твери в «Сказании

* Статья написана в рамках проекта № 23 «Границы города в разнообразии типологии, архитектурных образах и смыслах. Исторические преобразования и новые предложения» в рамках фундаментальных и прикладных научных исследований (НИР/НИОКР) научными коллективами НИУ МГСУ (Приказ № 258/130 от 23.03.2023).

об иконе Владимирской Богоматери», которое В. А. Кучкин датировал началом 1160-х годов. По его мнению, действия 9-го чуда «Сказания» происходят на территории крупной городской усадьбы [1, с. 226–7].

Если к середине XII в. Тверь действительно обрела статус города, то в столице будущего Тверского княжества могли озаботиться основанием в ее границах или на периферии этого населенного пункта монастыря (или монастырей?). Однако немногочисленные документальные свидетельства, относящиеся к домонгольскому времени, не фиксируют каких-либо тверских монастырей. Тем не менее уже через несколько десятилетий после разорения города одним из отрядов Батыя (зимой 1237–1238 гг.) ситуация стала меняться. И связано это было с деятельностью первого тверского князя Ярослава Ярославича. Во второй половине 1250-х годов после ряда неудачных попыток занять княжеский стол в Ладоге, Пскове и Новгороде Ярослав окончательно утвердился в Твери, а в 1264 г. после смерти брата — Александра Невского — наследовал титул великого владимирского князя [2, стб. 903].

Ярослав Ярославич, пожалуй, первым среди князей послемонгольского времени пошел на реальное дробление некогда единого Владимиро-Суздальского княжества, дабы придать статус великокняжеской столицы своему удельному центру. Будучи энергичным политиком, тверской князь к концу жизни положил начало самостоятельной епископской кафедре [3, с. 6; 4, с. 19], и с его именем можно связать два монастыря: Афанасьевский и Отроч. Первый из них впервые упоминается в источниках под 1297 г. в связи с возобновлением соборного храма «святого Афанасия» [5, с. 171]. Посвящение главной церкви обители, расположенной в кремле недалеко от кафедрального Спасо-Преображенского собора, было, вероятно, обусловлено тем, что первый тверской князь имел монашеское имя Афанасий. А тот факт, что именно в этом монастыре в 1399 г. перед кончиной принял постриг другой тверской князь — Михаил Александрович [2, с. 173–4], позволяет с уверенностью предполагать, что в этой же обители в начале 1270-х годов выполнил тот же обряд ее основатель Ярослав Ярославич Тверской.

Второй монастырь, согласно литературному произведению XVII в., Ярослав основал в середине 1260-х годов за пределами города. А несколькими годами позже (не позднее рубежа 1260–1270-х годов) здесь же был выстроен каменный Успенский собор [6]. Раскопки в целом подтвердили эту датировку храма [7, с. 70], поэтому можно говорить о том, что если кремлевский Афанасьевский собор был деревянным сооружением, то загородная постройка относилась к числу каменных зданий. И возможно, это была первая каменная церковь Твери.

Во второй половине — конце XIII в. основываются еще два «окраинных» монастыря. Один из них на периферии Затьмацкого посада, другой — у границ Загородного.

Создание Затьмацкой обители связывают с дочерью Ярослава Ярославича Тверского. Может быть, поэтому, так же как и кремлевский монастырь, он назывался Афанасьевским. Его появление «Повесть о Софье Ярославне Тверской» относит к 1293 г. [8; 9], поэтому, ориентируясь на свидетельства более позднего источника, мы имеем основание полагать, что в конце XIII в. в Твери существовали два Афанасьевских монастыря: «Офонасей... что у Спаса за алтарем» и «Офонасей... что во Твери на посаде» [10, с. 220].

Затьмацкий Афанасьевский монастырь именовался еще Софийским, возможно, по имени ктитора. При этом, по мнению Л. В. Тигановой, построенный Софьей соборный храм обители могли освятить 17 сентября, то есть в день Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, и поэтому естественно предположить, что назывался он Софийским. О наличии Софьиного монастыря в Твери сообщает под 1358 г. летопись [5, с. 230].

Полагаю, что Софийский собор Афанасьевского монастыря изначально был деревянным зданием. Косвенно об этом свидетельствуют позднесредневековые источники, когда в обители существовали «храм Афонасия и Кирилла древян, клетки, да другой храм древян клетки во имя Покрова Святей Богородицы» [11, с. 119]. Деревянные церкви монастыря сохранялись еще в начале — первой половине XVIII в., при этом к началу XVIII в. основным сооружением обители считался Покровский храм. Вероятно, поэтому в 1760–1770-е годы после закрытия монастыря выстроенную здесь каменную приходскую церковь назвали Покровской [12].

Все та же «Повесть о Софье Ярославне Тверской» сообщает нам о том, что, прежде чем основать монастырь, дочь Ярослава Ярославича постриглась в «монастыре мужском святого архистратига Михаила» [8, с. 261]. Вероятно, это тот самый Архангельский монастырь «на брезе», где в 1320 г. встречали останки казненного в Орде Михаила Ярославича, а в 1339-м — тела его сына Александра и внука Федора [5, с. 187, 210; 13, с. 145]. Отчасти, подтверждая указание летописи на местоположение обители, источник середины XVI в. фиксирует Архангельский монастырь «на Всполье» [14, с. 229]. Эта обитель просуществовала до Смуты начала XVII в., во время которой она, по всей видимости, и запустела, так как писцовая книга 1626 г. отмечает этот монастырь уже как полуразрушенную обитель [11, с. 64].

Долгое время вопрос локализации Архангельского монастыря был дискуссионным, но благодаря проведенным в начале XXI в. раскопкам местоположение обители удалось выявить и теперь вслед за авторами исследований можно с уверенностью утверждать, что она действительно находилась рядом с Загородским посадом, поэтому «горожане и клир для встречи тел великих князей действительно должны были выйти “из града”. Эти действия подчеркивали исключительную значимость событий, так как горожане несли гробы в кремлевский собор Спаса Преображения, преодолевая значительное расстояние» [15, с. 86–7].

Говоря о ктиторах монастыря, Н. Н. Воронин предположил, что строителем церкви Михаила Архангела в конце XIII — начале XIV в. мог стать Михаил Шетен — первый тысяцкий из рода тверских тысяцких Борисовичей [13, с. 145]. Этот вывод исследователя базируется на источниках середины XVI — первой трети XVII в., зафиксировавших Архангельский монастырь как место, где «кладутца Борисовичи» [11, с. 64; 16, с. 296, 306]. Однако в последующем версия Воронина не получила подтверждения. Дело в том, что в «Повести о Софье Ярославне Тверской» фигурирует настоятель Михайловского монастыря Юрий Явидович, который, по мнению Л. В. Тигановой, мог быть сыном тверского воеводы Явида, сражавшегося, как свидетельствуют летописи, с литовцами у Торжка и Бежиц еще в 1245 г. [8, с. 257]. В то время он был тверским наместником деда Михаила Ярославича — владимирского великого князя Ярослава Всеволодовича. Михаилу Тверскому «служил брат Юрия боярин Давыд Явидович, видимо, зять Акинфа Великого, и боярин Гавриил Юрьевич, возможно, сын Юрия Явидовича, сопровождавший князя Михаила Ярослави-

ча в его поездке в Орду в 1293 г.» [9, с. 113]. Следовательно, игумен Юрий Явидович принадлежал, по всей видимости, к одному из самых знатных родов Тверского княжества. Не исключено, что именно представители этой династии основали монастырь, посвященный небесному покровителю тверского князя Михаила Ярославича. И может быть, еще и поэтому тело казненного в Орде князя Михаила встречали в Михайловской обители.

Если подобная версия оправдана, то, соответственно, и основание монастыря можно соотносить с годами жизни Михаила Ярославича. При этом хронологический отрезок, в рамках которого могла появиться эта обитель, следует с одной стороны ограничить годом рождения княжича (1271), а с другой — первым упоминанием монастыря в источниках (1293). Допустимо предположить, что обитель была основана в честь рождения Михаила Тверского. Данная версия опять-таки связывает создание этого монастыря со светской властью, которая фактом вполне определенного посвящения соотносит этот монастырь с князем.

Размещение Архангельской обители на мысу, возвышающемся над широкой излучиной Волги, свидетельствует о том, что уже во второй половине — конце XIII столетия в Твери сложилась достаточно распространенная еще в домонгольской Руси градостроительная ситуация, когда оба берега реки за счет расположенных друг напротив друга храмовых акцентов обретали композиционную взаимосвязь. В итоге комплекс Михаило-Архангельского монастыря весьма удачно сочетался с основанным в 1260-х годах Успенским Отрочим монастырем, и таким образом эти две обители обозначали подступы к городу со стороны Москвы. На эту же градообразующую идею опосредованно работала еще одна периферийная обитель — затьмацкая Афанасьевская. И хотя два из трех соборных храмов в конце XIII в. оставались деревянными сооружениями, полукольцо из трех монастырей формировало те самые «реперные точки» (рис. 1), которые со временем стали зримыми акцентами в градостроительной структуре столицы Тверского княжества.

Отчасти повторяя ситуацию с Отрочим и Архангельским монастырями, в XIV в. функцией своеобразных «пропилей» оказались наделены Федоровский и Никольский монастыри. Их основали на противоположных берегах Волги практически напротив друг друга (рис. 2). Но теперь их поставили не к востоку, а к западу и северо-западу от кремля. Отличие заключалось и в том, что расположили эти обители много ближе к ядру города, нежели Отрочь и Архангельский монастыри. Возможно, таким образом князь (ктитор Федоровской обители) и владыка (заказчик Никольского монастыря) обозначили свое участие в освоении быстро растущих посадских территорий, которые отсекались от «кремлевской стороны» речными преградами: Волгой и Тьмакой.

Федоровский монастырь стал важным сакральным символом и одновременно существенным градообразующим фактором в Затьмачье, точнее, на острове в устье реки Тьмаки. Впервые упомянутый в источниках под 1317 г. [17, с. 22–3; 13, с. 145], в 1323–1325 гг. он был украшен каменным соборным храмом [2, стб. 414, 42, 415; 5, с. 189].

Вероятно, во второй половине — конце XIV в. каменный собор во имя Николы Чудотворца появился на левом берегу Волги на территории Заволжского посада в Никольском монастыре «над ручьем». Инициатором его создания стал, по всей

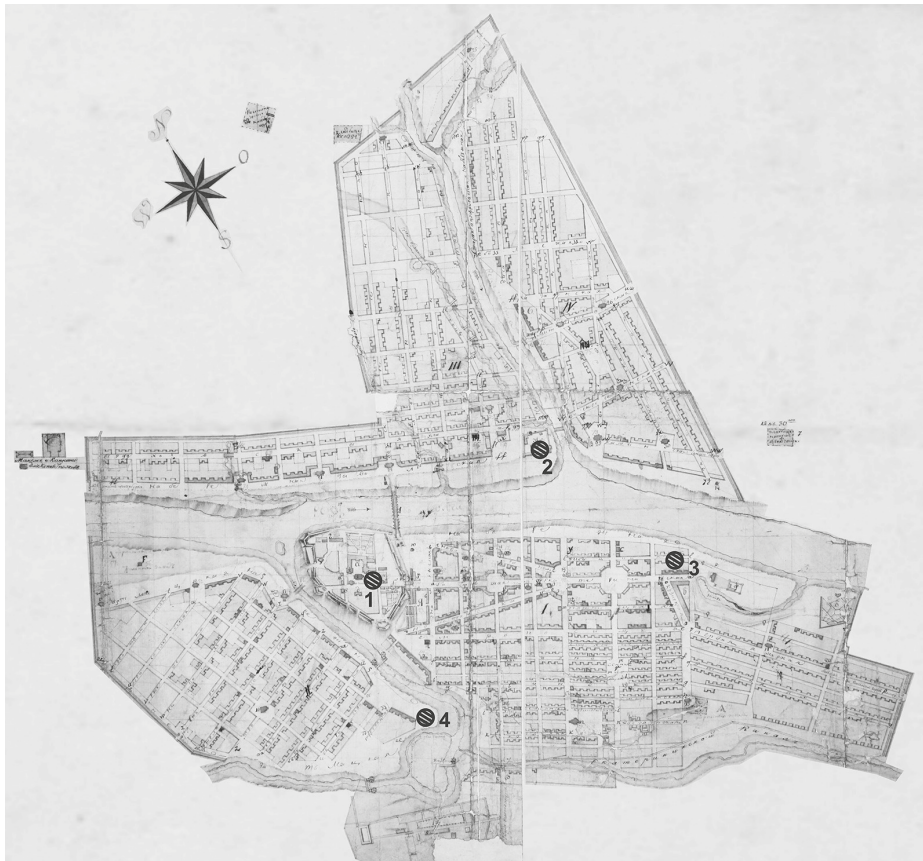

Рис. 1. Монастыри Твери в конце XIII в. на городском плане рубежа XVIII–XIX вв. [1]:
1 — Афанасьевский; 2 — Архангельский; 3 — Архангельский; 4 — Афанасьевский (Софьин)

видимости, тверской епископ Евфимий, но в качестве деревянного комплекса эта обитель могла быть выстроена и ранее [7, с. 259–78].

Градоформирующее значение основанного тверскими князьями Федоровского монастыря в XIV в. было усилено постановкой недалеко от него Марфина Княгинина монастыря [7, с. 395], выстроенного, вероятно, по инициативе жены тверского князя Ивана Михайловича Марии, поскольку незадолго до своей кончины в 1405 г. она «наречена бысть во иноцех» Марфой [18, с. 109]. Этот факт позволяет предполагать, что именно Мария выступила не только его основательницей, но и заказчицей деревянного Богородичного храма, который едва не сгорел в пожар 1483 г. [2, стб. 499].

Возможно, еще в XIV или XV столетии градостроительное значение созданной в конце XIII в. «пограничной» Архангельской обители было усилено другим монастырским комплексом, названным Спас-Высокий. О его территориальной близости к тому месту, где в первой половине XIV в. встречали останки казненных в Орде тверских князей, свидетельствует источник середины XVI в. [14, с. 182, 230, 273]. Получается, что в период расцвета Тверского княжества и восточное «пограничье» города, и его западный «затмацкий рубеж» были подчеркнуты двумя

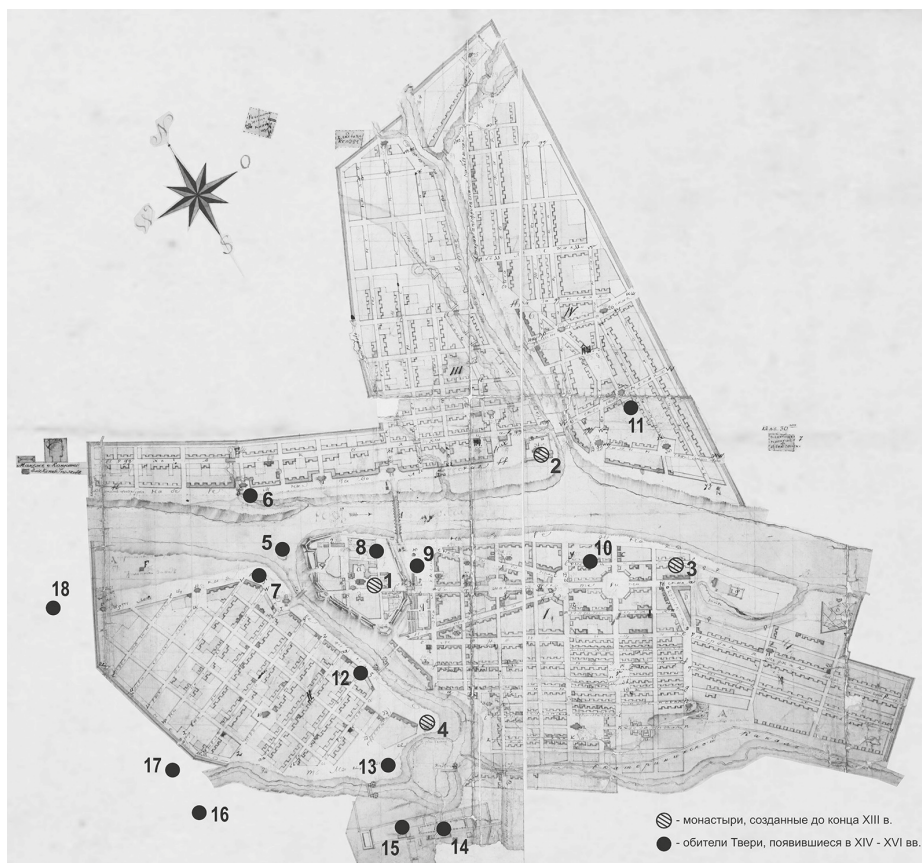

Рис. 2. Тверские монастыри, основанные в XIII–XIV вв., на городском плане рубежа XVIII–XIX вв. [1]: 1 — Афанасьевский; 2 — Архангельский; 3 — Архангельский; 4 — Афанасьевский (Софьин); 5 — Федоровский; 6 — Никольский «над ручьем»; 7 — Марфин; 8 — Троицкий; 9 — Никольский «у Владимирского моста»; 10 — Спас-Высокий; 11 — Ильинский; 12 — Иоанно-Богословский; 13 — Григорьевский; 14 — Трехсвятский; 15 — «Святых отец иже в Никее»; 16 — Христорождественский; 17 — Никитский; 18 — Воздвиженский

расположенными достаточно близко друг от друга комплексами. Созданные в различных концах Твери многосоставные архитектурные ансамбли не только свидетельствовали о ее значимости, но и формировали панораму города со стороны Волги.

Принцип создания парного монастырского ансамбля в полной мере был задействован при сооружении еще одной обители недалеко от затьмацкого Афанасьевского монастыря, основанного в конце XIII в. сестрой Михаила Ярославича Софьей. На этот раз не позже первой половины XV в. рядом с этой обителью был основан монастырь, соборный храм которого освятили во имя Григория Богослова. При этом в 1446 г. тверской князь Борис Александрович повысил статус Григорьевской обители до уровня «архимандритии», которую перевел из Федоровского монастыря [2, стб. 493], ставшего к тому времени княжеской резиденцией, расположенной за пределами кремля [7, с. 155].

Внимание князя к Григорьевскому монастырю позволяет предполагать, что еще один Богословский монастырь — Иоанна Богослова, наиболее ранние сведения о котором относятся к 1405 г. [16, с. 192], мог быть основан также представителем светской власти. Эта обитель стала частью Затьмацкой «монастырской дуги», протянувшейся вдоль левого берега реки Тьмаки в границах Окольного города Твери, где Иоанно-Богословскому монастырю была отведена роль срединного звена [19, с. 47]. В свою очередь, Федоровский и Марфин монастыри закрепили северо-западный конец этой «дуги», а Григорьевский и Афанасьевский (Софьин) — юго-восточный (см. рис. 2).

Созданные в XIV–XV вв. в Затьмачье монастыри вместе с основанной в конце XIII в. Афанасьевской обителью, вне всякого сомнения, не только способствовали развитию этого посада, но и служили градообразующими акцентами на этих территориях, формирующими вместе с активно растущей застройкой облик Затьмацкого «фасада» Твери. За исключением собора Федоровского монастыря все культовые сооружения этих ансамблей были деревянными, что, конечно же, уменьшало срок их существования в средневековом городе, где пожары не были редкостью. Да, собственно говоря, и сам материал, как правило, не делал их долговечными. Но этот же фактор способствовал частой перестройке ветшающих зданий, на месте которых, как правило, создавались новые более крупные сооружения, оказывающие влияние на масштабы развития окружающей застройки.

В свою очередь, интенсивный рост средового контекста заставлял смещаться вовне границы города, и некогда близкие к окраинам обители оказывались в гуще застройки, что нередко изменяло первоначальный статус комплекса, и монастырский ансамбль трансформировался в приходской храм. Эта тенденция шла рука об руку с потребностью средневекового человека иметь на периферии города обители, которые естественным образом были бы избавлены от активной жизнедеятельности, которой невозможно избежать монастырю, находящемуся в разросшейся у его стен городской среде.

Подобный запрос вызвал появление в Затьмацкой части Твери новых окраинных монастырских комплексов, и документы XVI в. фиксируют у ее западной и южной границ ранее не отмеченные источниками обители: Трехсвятский монастырь, Христорождественский, Никитский, Воздвиженский [14, с. 182, 184, 220, 268, 272, 296]. Возможно, тогда же (в XV–XVI вв.) рядом с Трехсвятской обителью (не без влияния владыки?) возник монастырь «Святых отец иже в Никее» (см. рис. 2) [20, с. 33], который в качестве запустевшего места был отмечен писцовой книгой 1626 г. [11, с. 79]. Вероятно, эта обитель находилась под патронажем владыки, поскольку соседний Трехсвятский монастырь мог быть пригородной резиденцией тверского архиерея¹. Ему же принадлежали в первой трети XVII в. расположенные рядом земли и мельницы [11, с. 79].

Самым бедным на монастыри посадом Твери был Затверецкий. Менее всего связанный с городской (центральной) частью города посад, согласно писцовой книге 1626 г., располагал к тому времени единственной обителью — во имя

¹ В первой половине XVIII в. его активно обживал тверской архиепископ Митрофан [12, с. 79], поэтому не исключено, что и в Средневековье эта обитель пользовалась особым вниманием владыки.

Ильи Пророка [11, с. 85]. Да и та запустела в период Смуты начала XVII в. Возник этот монастырь не ранее XV–XVI вв., но его местоположение позволяет относить Ильинскую обитель к числу пограничных (см. рис. 2), созданных на «окраинных» Затверецких землях с перспективой освоения данной территории горожанами.

В конце XIV в. в окрестностях Твери появляется действительно загородный монастырь, поскольку, в отличие от загородной Отрочевской обители, его нельзя было увидеть от стен кремля. Речь идет об Успенском Жёлтиковом монастыре, основанном в 1394 г. в 5–6 км от кремля тверским владыкой Арсением [16, с. 156]. Приблизительно на таком же расстоянии (6–7 км) от городского ядра в первой половине XVI в. был основан Николо-Малицкий монастырь (рис. 3) [21, с. 373]. При этом его создание можно связывать с великокняжеским, а затем царским двором, поскольку дозорная книга 1551–1554 гг. указывает на принадлежность Никольского «монастырька» «царю и великому князю» [14, с. 273]. Ориентируясь на средневековую ситуацию, эти монастыри с полным правом можно назвать загородными, так как для того периода определение «пограничные» применимо к ним лишь с оговоркой. Скорее это были дальние «сторóжи», к которым даже в конце XVIII в. не приблизились границы развивающегося города, ставшего по решению Екатерины II образцом для перестройки провинциальных российских городов на основе новых регулярных принципов.

Неизвестно, появились ли до Смуты аналогичные по дистанцированности от кремля другие монастырские комплексы, но предать забвению в Новое время две вышеназванные обители не позволило, по всей видимости, строительство здесь еще в Средневековье каменных храмов. В первую очередь это касается Жёлтикова монастыря, где Успенский собор возвели в камне еще в начале XV в. [22, с. 8–45]. Что касается Малицкого монастыря, то в данном случае его сохранность в послесмутное время объясняется, по всей видимости, царским патронажем,

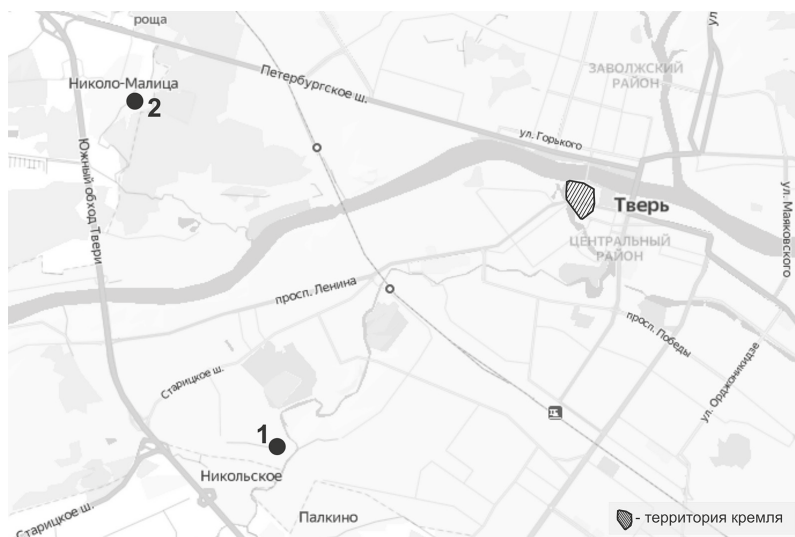

Рис. 3. Жёлтиков (1) и Николо-Малицкий (2) монастыри на современной карте Твери и ее окрестностей

который способствовал появлению здесь в последней четверти XVII в. двух каменных храмов. Известно, что заказчиком каменных Никольского собора (1675–1676 гг.) и небольшой теплой Покровской церкви выступил царский стольник Григорий Дмитриевич Овцын [21, с. 375–401].

В эпоху независимого Тверского княжества, согласно общерусской традиции, Афанасьевский кремлевский монастырь, по всей видимости, недолго оставался единственной обителью кремля. Иллюстрацией к сказанному является ряд документальных свидетельств. Так, например, в городской описи 1626 г. при фиксации земельных владений архиерея внутри Тверского кремля писец указывает на «место пусто монастырское, а бывал монастырь Троецкой, а запустел тот монастырь издавна, того выборные люди не помнят, владеет им архиепископ» [11, с. 13]. Возможно, именно об этой обители, но, вероятно, как о действующей сообщает дозорная книга середины XVI в.: «Троица во Твери внутри городе за владычным двором» (см. рис. 2) [14, с. 296; 17, с. 66].

Факты позволяют предполагать, что Троицкий монастырь перестал существовать еще до Смуты, а второй кремлевский монастырь (Афанасьевский) последний раз был упомянут в самом начале XVIII в. [II, л. 94 об.]. Документальный контекст дает также основание полагать, что уже в период позднего Средневековья часть территории Афанасьевской обители вообще не принадлежала монастырю и лишь по инерции относилась переписчиками к ее собственности [23, с. 64]. Все это говорит о том, что, в отличие от расположенных вне крепости монастырей, которые активно участвовали в формировании городской среды, кремлевские обители еще до лихолетья начала XVII в. становятся в какой-то мере «обузой» для этой территории. Поэтому еще до Смуты исчезает, по всей видимости, владычный Троицкий монастырь, а некогда основанный первым тверским князем Афанасьевский к концу XVI в. — это, скорее всего, ветшающая обитель.

Непросто отнести к числу «пограничных» и Никольский монастырь, располагавшийся «по конец Володимерского мосту», т. е. стоявший со стороны Загородского посада у моста, переброшенного через ров у главной Владимирской башни Тверского кремля (см. рис. 2). О его существовании сообщает дозорная книга середины XVI в. [14, с. 230–1], но появление этого монастыря следует, вероятно, связывать с XIV–XV вв. и, возможно, на раннем этапе он был не только своеобразной «сторóжей» на территории ближайшего к кремлю Предградья, но и градообразующим фактором, способствующим полноценному развитию этой части Загородского посада. Позже надобность в стоящей в центре города обители стала снижаться, а разорение Твери в 1569 г. войсками Ивана Грозного и последующая Смута лишь ускорили процесс ее исчезновения.

Эти же факторы, но в первую очередь Смута, стали определяющими в судьбе других тверских монастырей. К концу XVII в. в кремле доживал свои дни последний из монастырей — Афанасьевский, на Загородском посаде к этому времени перестали существовать Никольский у Владимирского моста, Архангельский и Спас-Высокий, в Заволжской части исчезла Никольская обитель «на ручью», а в Затверечье — единственный из числа известных нам на этом посаде монастырей — Ильинский.

Наибольшие потери понес корпус затымацких монастырей, которых, по сравнению с другими частями столицы Верхневолжья, здесь было больше всего. На этом

посаде перестало существовать подавляющее большинство обителей так называемой Тьмацкой дуги, стоявшие недалеко от берега реки Тьмаки. Сохранились лишь Афанасьевский (Софьин) монастырь и Федоровская обитель в устье Тьмаки.

В качестве «пустующих мест» писцовая книга 1685–1686 гг. называет такие «пограничные» монастыри, как Воздвиженский, Никитский и «Святых отцев иже в Никее». Действующими в тот период оставались лишь два «окраинных» монастыря на южных рубежах Затьмачья — Трехсвятский и Христорождественский (рис. 4) [20, с. 33]. Начиналась Петровская эпоха, в которую роль светской власти оказалась намного масштабнее той, что ранее была отведена духовенству. Отчетливо это видно на примере Тверского кремля, где на протяжении XVII в. более активным градостроителем был владыка, нежели воевода. В этот период архиепископ (или епископ) не только сохранил каменные сооружения прошлых столетий на территории архиерейской резиденции, но и ввел новый градообразующий акцент (дворцовые палаты) для этого ансамбля, что коренным образом изменило объемно-пространственную структуру комплекса. По его же инициативе был

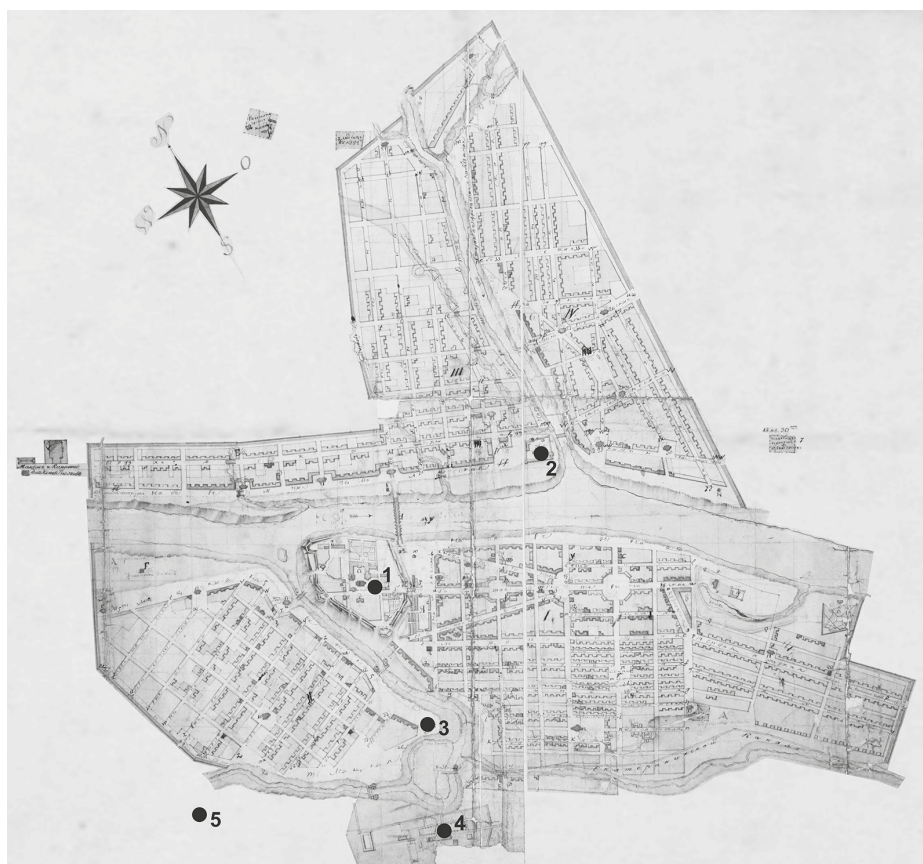

Рис. 4. Монастыри Твери, уцелевшие к концу XVII в., на городском плане рубежа XVIII–XIX вв. [1]: 1 — Афанасьевский; 2 — Отроч; 3 — Афанасьевский (Софьин); 4 — Трехсвятский; 5 — Христорождественский

выстроен новый кафедральный Спасо-Преображенский собор и его колокольня, возведены в камне еще несколько каменных храмов, а также создана единственная каменная башня Тверского кремля. Но к началу XVIII в., по мере расширения действий Петровских реформ, доминирование архиерея в жизни Тверского кремля стало постепенно снижаться, примером чего является перестройка в 1707 г. крепостных сооружений исключительно по инициативе светской власти [24, с. 109]. Тогда же произошла ликвидация остатков Афанасьевского монастыря. В этой связи возникает вполне справедливый вопрос: а почему владыка вплоть до конца XVII в. не занялся переустройством этого монастыря? Может быть, это произошло в силу того, что реконструкцию Афанасьевской обители тверской архиереем отложил «на потом» и не успел этого сделать, поскольку наступили иные времена. Однако перевод владыкой этой задачи во второстепенные дает основание полагать, что к концу XVII в. монастырь как градоформирующий элемент уже не рассматривался «хозяевами» Тверского кремля в качестве обязательной необходимости. Этими же причинами руководствовались, вероятно, и «отцы» города, когда не стали возрождать Никольский монастырь у Владимирского моста.

Другое дело — пригородные Жёлтиков и Николо-Малицкий монастыри, где строительство каменных храмов и иных зданий шло на протяжении всего XVII в. Очевидно, что заказчики этих сооружений, заботившиеся в первую очередь о спасении души, большое внимание уделяли восстановлению и процветанию почитаемых обителей. И не исключено, что одним из побудительных мотивов их деятельности (возможно, не без влияния уездного и епархиального руководства) являлось намерение архитектурно и градостроительно обозначить подходы (подъезды) к городу.

Комплекс причин лежал, вероятно, и в основе желания тех, кто дал возможность сохраниться в течение XVII в., а затем без особых потерь войти в XVIII столетие двум действительно «пограничным» монастырям на затьмацком рубеже Твери: Трехсвятскому и Христорождественскому. Они пережили обнищание провинции в период Северной войны (1700–1721 гг.), хотя вплоть до 1760-х годов основные постройки этих обителей были деревянными [18, с. 76, 80].

Не удалось пережить Петровскую эпоху не только кремлевскому Афанасьевскому монастырю, но и затьмацкой Афанасьевской обители. В 1723 г. она была закрыта, и на ее месте появилась приходская Покровская церковь, которую перестроили в камне в 1760–1770-е годы [12]. Менее удачно сложилась судьба другого затьмацкого монастыря — Федоровского. В XVIII в. в нем была размещена семинария, но постоянные подтопления в период разлива Волги привели к закрытию семинарии (и обители), а затем к разборке в середине 1770-х годов всех его сооружений, в том числе и соборного храма XIV–XV вв., строительный материал от которого пошел на сооружение Екатерининской церкви в Затверечье [25, с. 46–7]. В итоге к концу XVIII в. в Твери осталось только три монастыря: Христорождественский, Трехсвятский и Отроч (рис. 5). И если первые два еще продолжали сохранять статус «пограничных» обителей, то Отроч монастырь наряду со Спасо-Преображенским собором стал визитной карточкой города, поскольку в качестве важного градообразующего акцента выступил организующим началом для застройки в устье реки Тверцы при ее впадении в Волгу. И в целях усиления его доминирующей здесь функции на протяжении достаточно длительного периода — второй

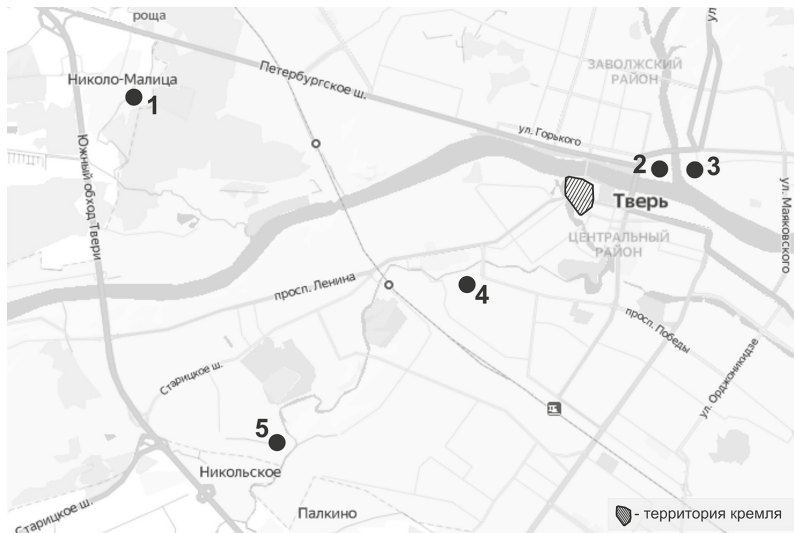

Рис. 5. Монастырские комплексы и их фрагменты, существующие в Твери в настоящее время: 1 — Николо-Малицкий; 2 — Отроч; 3 — Екатерининский; 4 — Христорождественский; 5 — Жёлтиков

половины XVII — XIX в. — облик этого ансамбля неоднократно корректировался, что привело к созданию в левобережной части Твери масштабного монастырского комплекса (рис. 6, 7). В результате к началу XX в. Отроч монастырь стал зримым ориентиром для подъезжающего к городу со стороны Москвы или северных уездов губернии человека.

Во второй половине XVIII — начале XX в. велось активное строительство новых монументальных построек в Христорождественском монастыре, который до второй половины XIX в. продолжал сохранять характер «пограничной» обители. Став к этому времени одним из крупнейших ансамблей города (рис. 8), Христорождественский монастырь способствовал активному развитию окружающей его

Рис. 6. Тверской Отроч монастырь у слияния Тверцы и Волги. Фото начала XX в. из коллекции А. Н. Семенова [26, с. 38]

Рис. 7. Отроч монастырь в Твери.
Фото начала XX в. из коллекции А. Н. Семенова [27, с. 150]

Рис. 8. Тверь. Христорожественский монастырь.
Фото начала XX в. из коллекции А. Н. Семенова [27, с. 120]

застройки. В итоге на рубеже XIX–XX вв. градостроительная структура этой части Твери приросла грандиозным промышленным «кластером» с десятками жилых и производственных сооружений, архитектурная стилистика которых была нередко ориентирована на лучшие образцы эклектики и модерна.

В отличие от Христорождественского монастыря, другая «пограничная» затьмацкая обитель — Трехсвятская, будучи загородной резиденцией тверского архиерея, сохранила оттенок камерности и поэтому не стала к 1910-м годам градообразующим фактором в этой части города. Хотя в силу близости к Станционному шоссе, соединившему в середине XIX в. город с железнодорожной станцией, этот архитектурный комплекс опосредованно оказался включенным в процесс формирования нового привокзального района Твери.

В начале XX в. находились на пике своего развития загородные Жёлтиков (рис. 9) и Николо-Малицкий (рис. 10) монастыри, что с неизбежностью сказалось на появлении в непосредственной близости от этих монастырей жилой застройки, вектор роста которой явно свидетельствовал о ее тяготении к границам города. Однако это естественное движение было прервано революционными событиями, не только поставившими монашескую жизнь вне закона, но и отказавшими монастырским комплексам в праве формировать отдельные участки градостроительной структуры города.

Сегодня очевидно, что «пограничные» монастыри Твери уже на раннем этапе истории Тверского княжества стали играть не только роль архитектурных акцентов, но и формирующих городскую структуру комплексов. Максимального развития эта функция тверских обителей достигла в XVI в., однако территориальный

Рис. 9. Жёлтиков монастырь в Твери. Фото начала XX в. из коллекции А. Н. Семенова [27, с. 122]

Рис. 10. Николо-Малицкий монастырь в окрестностях Твери. Вид с севера.
Фото 1915 г. с рисунка С. Измайлова, 1869 [III]

рост города, чему как раз и способствовали многие монастыри, естественным образом привел к изменению статуса ряда обителей, и из «пограничных» они со временем превратились во внутригородские, что, конечно же, сказалось на их судьбе. Правда, главным стимулом для этого послужила Смута начала XVII в., когда часть монастырей перестала существовать, а другие трансформировались в приходские храмы. Но среди исчезнувших в послесмутное время обителей были не только ставшие к началу XVII в. внутригородскими, но и «пограничные».

Петровская эпоха и последующее усиление светского начала в жизни страны, а также иные обстоятельства (подтопление территории монастыря) привели к утрате или «переформатированию» еще ряда обителей. При этом внимание к оставшимся монастырям, подавляющее большинство из которых можно отнести к числу «пограничных», усилилось, что способствовало созданию на их базе масштабных архитектурных ансамблей. И в этом качестве «пограничные» монастыри явились более существенным фактором в деле формирования окружающей застройки. А незадолго до революционного лихолетья первой четверти XX в. подобная тенденция наметилась и у ближайших к Твери загородных Жёлтикова и Николо-Малицкого монастырей. Активный рост жилой застройки в непосредственной близости от этих обителей обозначил «пограничный» потенциал у еще не так давно загородных монастырей.

Этот процесс был прерван в конце 1910-х годов, и лишь в конце XX в. состоялась реабилитация одной из основных функций монастырского ансамбля. Однако значительные утраты, которые понес монастырский корпус Твери, требуют еще немало усилий для восстановления сначала архитектурного, а затем

Рис. 11. Екатерининский монастырь в Затверецкой части Твери. Фото А. А. Ляникова, 2022

градоформирующего потенциала тверских обитателей. Актуальность этой задачи выражается еще и в том, что некогда загородные Жёлтиков и Николо-Малицкие монастыри, практически полностью уничтоженные в советское время, в связи с естественным ростом города оказались достаточно близко к его границам и, соответственно, их возрождение придаст стимул развитию окраинных территорий столицы Верхневолжья.

В заключение отмечу, что на рубеже XX–XXI вв. возникла другая тенденция, в рамках которой стало возможно перевести приходской храм в статус монастырской обители. В Твери в настоящее время таким примером является Екатерининский монастырь, созданный на основе приходской церкви Екатерины Великомученицы (см. рис. 5, 11). Эту обитель сложно отнести к числу «пограничных», но в связи с утратой большинства построек Отроча монастыря формируемый также в устье Тверцы, но уже не на правом, а на ее левом берегу, новый монастырь принимает на себя функцию крупного и чрезвычайно перспективного градообразующего акцента в районе погибшей во время жестоких осенне-зимних боев 1941 г. каменной жилой застройки последней четверти XVIII — начала XIX в.

Литература

1. Кучкин, Владимир. «Возникновение Твери и проблема тверского гостя в «Рукописании» Всеволода». В сб. *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1983. М.: Наука, 1984.
2. *Полное собрание русских летописей. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью*. СПб.: Тип. Леонида Демиса, 1863.

3. Чередеев, Козьма. *Биографии тверских иерархов*. Тверь: Тип. Губернского правления, 1859.
4. Попов, Геннадий. “Иконопись”. В кн. Попов, Геннадий, и Анна Рындина. *Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв.* М.: Наука, 1979.
5. *Полное собрание русских летописей. Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. СПб.: Тип. Мин-ва иностранных дел, 1885.
6. Семячко, Светлана. *Повесть о тверском Отроче монастыре*. СПб.: Наука, 1994.
7. Салимов, Алексей. *Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. XII–XVI века*. 2 тома. Тверь: Гос. акад. славян. культуры, 2015, т. 1.
8. Тиганова, Людмила. “Повесть о Софье Ярославне Тверской”. *Записки отдела рукописей Российской государственной библиотеки*, вып. 32: 253–64. М.: Книга, 1972.
9. Кучкин, Владимир. “Когда было написано житие Софьи Ярославны Тверской?” *Мир житий*, 106–16. М.: Имидж-Лаб, 2002.
10. Калачов, Николай, ред. *Писцовые книги Московского государства*. СПб.: Изд. Имп. рус. геогр. о-ва, 1877.
11. *Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подъячаго Богдана Фадеева. 1626 год*. Тверь: Твер. учен. архив. комис., 1901.
12. Салимов, Алексей, и Марина Салимова. “История комплекса Покровской церкви в Твери”. *Тверская старина*, no. 14–15 (1996): 100–19.
13. Воронин, Николай. *Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков*. 2 тома. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962, т. 2.
14. Антонов, Антон, сост. *Писцовые материалы Тверского уезда XVI века*. М.: Древлекранилище, 2005.
15. Хохлов, Александр. “Последний путь великого князя всея Руси (к вопросу о возникновении традиции)”. В сб. *Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси: м-лы Всерос. науч. конф. «К 700-летию принятия титула “великий князь всея Руси”: роль Тверского княжества и Михаила Ярославича Тверского в становлении российской государственности*, 21–22 декабря 2005 г., Тверь. Ред. В. А. Кучкин, Е. Л. Конявская, 80–8. Тверь: ТНИИР-Центр, 2008.
16. *Полное собрание русских летописей. Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897.
17. Красносельцев, Николай. *Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки*. Казань, 1885.
18. Владиславлев, Василий. “Краткие исторические сведения о монастырях и более замечательных церквях города Твери”. В кн. *Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год*, 73–118. Тверь, 1863.
19. Рикман, Эммануил. “Новые материалы по топографии древней Твери”. В сб. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, вып. 49: 39–50. М.: Наука, 1955.
20. Щенков, Алексей. “Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в.”. В сб. *Архитектурное наследие*, no. 28 (1980): 30–5.
21. Салимов, Алексей. *Архитектура Твери XVII века*. Тверь: Салимовы и К°, 2020.
22. Салимов, Алексей, Василий Данилов, Марина Салимова, и Елена Романова. *Соборный комплекс тверского Жёлтикова монастыря*. Тверь: Изд. Алексей Ушаков, 2018.
23. Салимов, Алексей. *Архиерейская резиденция в Тверском кремле. Владычный двор как предшественник ансамбля Императорского путевого дворца*. Тверь: Салимовы и К°, 2022.
24. Карманов, Диомид. “Исторические известия Тверскаго княжества, почерпнутыя из общих российских летописцев, с приобщением новейших онаго приключений”. Тверь, 1775. В кн. Карманов, Диомид. *Собрание сочинений, относящихся к истории Тверскаго края*, сост. Владимир Колосов, 15–128. Тверь: Тип. Губернского правления, 1893.
25. Салимов, Алексей, и Марина Салимова. *Неизвестное Затверечье: архитектурный ансамбль у слияния Тверцы и Волги — от прихода к обители*. Тверь: Салимовы и К°, 2023.
26. Глонина, Ольга, и Константин Литвицкий, авт.-сост. *Тверь сто лет спустя: Фотоальбом со старыми и новыми видами города Твери*. Тверь: Тверское фото, 2012, ч. 2.
27. Руденко, Виктор, и Александр Семенов, ред.-сост. *«Бабушкин альбом», г. Тверь. Губернский город глазами тверских фотографов на открытках конца XIX — начала XX века*. Тверь: Студия-С, 2005.

Источники

- I. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1 Д. 6058.
- II. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 46. 1701–1702 гг.
- III. ТГОМ. ФК 5752.

Статья поступила в редакцию 16 июня 2023 г.;
рекомендована к печати 8 августа 2023 г.

Контактная информация:

Салимов Алексей Маратович — д-р искусствоведения, проф.; sampochta@mail.ru

The “Borderline” Monasteries of Tver and Their Role in Forming the Architectural Appearance of the City*

A. M. Salimov

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University),
26, Yaroslavskoe shosse, Moscow, 129337, Russian Federation

For citation: Salimov, Alexey. “The ‘Borderline’ Monasteries of Tver and Their Role in Forming the Architectural Appearance of the City”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 13, no. 4 (2023): 720–739. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2023.407> (In Russian)

Dating back to the deep Middle Ages, Tver, even at an early stage of its existence, included monasteries in the city structure. With a few exceptions, they usually appeared in the peripheral city zones. And still, thanks to the active development, these monasteries didn't only quickly become important city-forming accents, but also contributed to the growth of the surrounding development. This stimulated an increase in the city area and inevitably deprived this monastery of a “borderline” status. However, new monastery ensembles appeared on the outskirts, and suburban ones, having been founded long before, got impulse for development. As a result, these “borderline” monasteries again became city-forming factors and contributed to the more intensive development of the part of the city they were connected with. The time of troubles at the beginning of the 17th century resulted in the loss of a number of monasteries. Their disappearance continued in the time of Peter the Great and in the following decades, when there was a strengthening of the secular principle in the life of the country. At the same time, there increased attention to the remaining monasteries, the vast majority of which can be attributed to the “borderline” ones, which stimulated the creation of large-scale architectural ensembles. In this respect, the “borderline” monasteries were a more significant factor in forming the surrounding development. And shortly before the revolutionary events, a similar trend was observed in the suburban monasteries closest to Tver. The active growth of residential development in close vicinity of these monasteries marked the “borderline” potential of the ones being suburban not so long before. However, this process was interrupted at the end of the 1910s, and only at the end of the 20th century one of the main functions of the monastery ensemble was restored.

Keywords: Tver, kremlin, urban settlements, in-city, “borderline” and suburban monasteries.

*The article was written within the framework of project no. 23 “City boundaries in a variety of typologies, architectural images and ideas. Historical transformations and new proposals” within the framework of fundamental and applied scientific research by research teams of Research Institute of the Moscow State University of Civil Engineering (Order no. 258/130 from 23.03.2023).

References

1. Kuchkin, Vladimir. "The emergence of Tver and the problem of the Tver guest in the "Manuscript" of Vsevolod". In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia*. 1983. Moscow: Nauka Publ., 1984. (In Russian)
2. *The complete collection of Russian chronicles. Vol. 15. The Tver Chronicle*: St Petersburg, Tipografia Leonida Demisa Publ., 1863. (In Russian)
3. Cheredeev, Koz'ma. *Biographies of Tver hierarchs*. Tver: Tipografia Gubernskogo pravleniia Publ., 1859. (In Russian)
4. Popov, Gennadii. "Icon painting". In Popov, Gennadii, and Anna Ryndina. *Zhivopis' i prikladnoe iskusstvo Tveri XIV–XVI vv.* Moscow: Nauka Publ., 1979. (In Russian)
5. *The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 10. VIII. The Patriarchal or Nikon Chronicle*. St Petersburg: Tipografia Ministerstva inostrannykh del Publ., 1885. (In Russian)
6. Semiachko, Svetlana. *A Tale of the Tverskoy Otroch Monastery*. St Petersburg: Nauka Publ., 1994. (In Russian)
7. Salimov, Aleksei. *Medieval architecture of Tver and adjacent lands. 12th–16th centuries*. 2 vols. Tver: Gosudarstvennaia akademiia slavianskoi kul'tury Publ., 2015, vol. 1. (In Russian)
8. Tiganova, Liudmila. "A Tale of Sophia Yaroslavna Tverskaya". *Zapiski otdela rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki*, no. 32 (1972): 253–64. Moscow: Kniga Publ. (In Russian)
9. Kuchkin, Vladimir. "When was the hagiography of Sophia Yaroslavna Tverskaya written?" *Mir zhitii*, 106–16. Moscow: Imidzh-Lab Publ., 2002. (In Russian)
10. Kalachov, Nikolai. *Scribal books of the Moscow state*. St Petersburg: Izdanie Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva, 1877. (In Russian)
11. *Extract from the Tver scribal books of Potap Narbekov and podyachy Bogdan Fadeev. The year 1626th*. Tver: Tverskaia ucheniia arkhivnaia komissii Publ., 1901. (In Russian)
12. Salimov, Aleksei, and Marina Salimova. "The history of Pokrovskaya (Intercession) Church complex in Tver". *Tverskaia starina*, no. 14–15 (1996): 100–19. (In Russian)
13. Voronin, Nikolai. *Architecture of North-Eastern Russia of the 12th–15th centuries*. 2 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962, vol. 2. (In Russian)
14. Antonov, Anton. *Scribal materials of the Tver district of the XVI century*. Moscow: Drevlekhranishche Publ., 2005. (In Russian)
15. Khokhlov, Aleksandr. "The last way of the Grand Duke of All Russia (to the question of the origin of tradition)". In *Mikhail Iaroslavich Tverskoi — velikii kniaz' vseia Rusi: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "K 700-letiiu priniatia titula 'velikii kniaz' vseia Rusi: rol' Tverskogo kniazhestva i Mikhaila Iaroslavicha Tverskogo v stanovlenii rossiiskoi gosudarstvennosti"*, 21–22 dekabria 2005 g., Tver. Eds V. A. Kuchkin, E. L. Koniavskaiia, 80–8. Tver: TNIIR-Tsentr Publ., 2008. (In Russian)
16. *The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 11. VIII. The Patriarchal or Nikon Chronicle*. St Petersburg: Tipografia I. N. Skorokhodova Publ., 1897. (In Russian)
17. Krasnosef'tsev, Nikolai. *On some liturgical manuscripts of the Vatican Library*. Kazan, 1885. (In Russian)
18. Vladislavlev, Vasilii. "Brief historical information about monasteries and more remarkable churches of the city of Tver". In *Pamiatnaia knizhka Tverskoi gubernii na 1863 god*, 73–118. Tver, 1863. (In Russian)
19. Rikman, Emmanuil. "New materials on the topography of ancient Tver". In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, no. 49 (1955): 39–50. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
20. Shchenkov, Aleksei. "Reconstruction experience of the Tver plan of the late 17th century". In *Arkhitekturnoe nasledstvo*, no. 28 (1980): 30–5. (In Russian)
21. Salimov, Aleksei. *Architecture of Tver of the 17th century*. Tver: Salimovy i K° Publ., 2020. (In Russian)
22. Salimov, Aleksei, Vasilii Danilov, Marina Salimova, and Elena Romanova. *Cathedral complex of the Tver Zheltikov monastery*. Tver: Izdatel' Aleksei Ushakov Publ., 2018. (In Russian)
23. Salimov, Aleksei. *The hierarch's residence in the Tver Kremlin. Vladychny Dvor as a predecessor of the ensemble of the Imperial Travel Palace*. Tver: Salimovy i K° Publ., 2022. (In Russian)
24. Karmanov, Diomid. "Historical data of the Tver Principality, drawn from the Russian chronicles, with the introduction of the latest adventures". Tver, 1775. In Karmanov, Diomid. *Sobranie sochinenii otnosiashchikhsia k istorii Tverskago kraia*, comp. by Vladimir Kolosov, 15–128. Tver: Tipografia Gubernskogo Pravleniia Publ., 1893. (In Russian)

25. Salimov, Aleksei, and Marina Salimova. *Unknown Zatverechye: architectural ensemble at the confluence of Tvertsa and Volga — from the parish church to the monastery*. Tver: Salimovy i K° Publ., 2023. (In Russian)
26. Glonina, Oľga, and Konstantin Litvitskii, comp. *Tver one hundred years later: Photo album with old and new views of the city of Tver*. Tver: Tverskoe foto Publ., 2012, part 2. (In Russian)
27. Rudenko, Viktor, and Aleksandr Semionov, ed. "Grandmother's Album", Tver. *The gubernskiy city through the eyes of Tver photographers on postcards of the late XIX — early XX century*. Tver: Studiia-S Publ., 2005. (In Russian)

Sources

- I. RGADA.F. 1356. Op. 1. D. 6058 [*The Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 237. Inventory 1, Dossier 6058*]. (In Russian)
- II. RGADA.F. 237. Op. 1. Kn. 46. 1701–1702 [*The Russian State Archive of Ancient Acts. Stock 237. Inventory 1, Book 46. 1701–1702*]. (In Russian)
- III. TGOM.FK 5752 [*Tver State United Museum*]. (In Russian)

Received: June 16, 2023
Accepted: August 8, 2023

Author's information:

Alexey M. Salimov — Dr. Habil. in Arts, Professor; sampochta@mail.ru